

ЖЕНЯ БУШЕ

Чужие мерки

HANDMADE STORY. ИСЦЕЛЯЮЩЕЕ ЧТЕНИЕ

РОМАН

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Женя Буше
Чужие мерки
Серия «Handmade story.
Исцеляющее чтение»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74615701
ISBN 978-5-04-255993-8

Аннотация

Исцеляющий роман о силе творчества и стремлении к своей цели с погружением в эпоху Англии начала XX века.

1907 год, Англия. Эмма живет в маленьком поселке, который медленно угасает вместе со старым укладом. Она мечтает стать модисткой и однажды создавать платья, которые всю жизнь были ей не по карману. Но общество единодушно утверждает: женщина должна жить смирением и долгом, а прочее ей ни к чему.

Когда же в поселок приезжает обаятельный джентльмен, Эмма видит в нем шанс наконец вырваться в жизнь и отправляется вслед за ним в Манчестер – туда, где, кажется, каждый способен добиться успеха. Но город встречает не только ослепительными витринами, шумом фабрик и обещаниями лучшей жизни.

Окажется ли город больших возможностей городом больших иллюзий? Хватит ли Эмме упорства и веры в себя идти к мечте,

или она продолжит выкраивать собственную судьбу по чужим меркам?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Женя Буше

Чужие мерки

Иллюстрации на обложке и во внутреннем оформлении:
Женя Буше

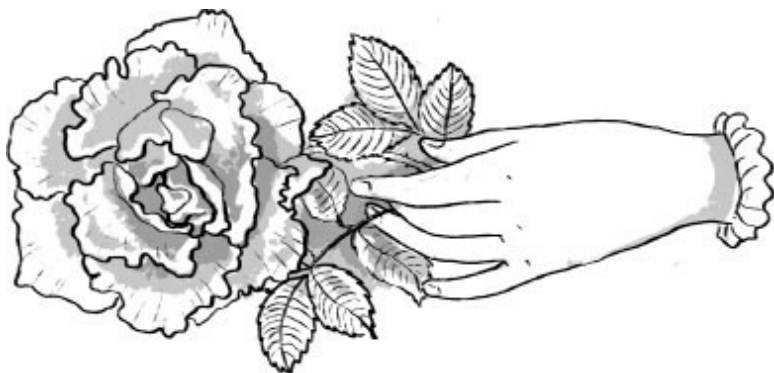
© Женя Буше, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава 1

Встреча

Снизу слышался шорох. Эмма резко отпрянула от окна и бросилась к кладовой, схватив корзину с бельем. В дверях замерла, прислушалась... Нет, показалось. Она снова нырнула за штору и глянула в обе стороны.

Вот уже две недели Роберт Уоллер писал ей записки, но сегодня вдруг – тишина. По дороге в гостиницу сломался экипаж? Нашел римские монеты где-то еще? Задержали дела, связанные с древней крепостью? С коммерцией? Или... он просто потерял интерес?

Эмма затруднялась оценить свою привлекательность. Когда она училась, одноклассницы держали себя с превосход-

ством, да и было от чего: уезжая на праздники по домам, они надевали шуршащие шелковые платья, где даже один метр кружева стоил как четверть месячного жалованья учителей. Эмма же носила только форму, выданную школой, – сперва как ученица, потом как служащая. И в ней она себя видела слишком простой, даже бесцветной. Будто краска выгорела с лица: кожа прозрачная, губы бледные, глаза светлые, голубые. Еще и веснушки разъедали черты. А Эмма любила насыщенность и контрасты. Фиолетовое небо перед рассветом или сочная зелень папоротников, алый шиповник, бархатно-синяя черника – вот в чем она видела красоту. Она мечтала о платьях, как мечтают о волшебстве доброй феи: взмах палочки – и дурнушка станет королевой бала.

Можно было взять часть из накопленных денег и купить бархата или шелка. Но что, если не получится? Материи сложные – не шерстяное сукно и ситец, с которыми она привыкла работать. Легко испортить. Да и деревенское общество осудит за такое транжирство: Питсмур зарастал бурьяном, стены плесневели, появлялось все больше заколоченных окон. Мужчины разъехались по городам на заработки, забрав мальчишек-подростков с собой подмастерьями. Остались старики и крестьяне, чье многочисленное потомство не отпускало их в город, чтобы устроиться лучше, и они тянули на себе всю работу в поле, дома и со скотом. Даже директриса школы одевалась скромно, хотя в пансионе учились девушки из обеспеченных семей. И вообразить только: Эм-

ма вдруг выйдет в бархате! Да и куда выходить? В Питсмуре не осталось ни чайной, ни хоть сколько-нибудь ухоженного сквера.

Уоллер же имел внешность яркую: высокий, широкоплечий, лицо холеное, черты правильные, взгляд гордый. Держался он с небрежностью горожанина, который приехал на отдых: одет с лоском, белокурые волосы напомажены, на брюках – щегольские стрелки. А главное – он несколько раз как бы между прочим упомянул Эмме, что холост. Поэтому каждый вечер, когда они вдвоем прогуливались в роще за рекой, куда Уоллер звал в своих записках, Эмма лучилась счастьем и несколько смущалась.

Пансион располагался на отшибе. От школьных ворот до площади тянулась длинная дорога через пустырь. Вторая шла в обход, за старыми садами. Она петляла между заборами и выходила к мосту, который вел за реку. По ней обычно и бегал мальчик-посыльный. Он отдавал записку садовнику, у того Эмма ее и забирала. Но сегодня мальчишка задерживался, а садовник уже ушел.

Снизу раздались голоса. Из дверей школы цепочкой выходили ученицы и сворачивали на задний двор. Эмма нахмурилась: как не вовремя... Ладно хоть директриса сейчас в городском управлении, а перед учителями она сможет оправдаться за записку «делами по службе». Но когда в дверях показалась сама миссис Фергюсон, Эмма замерла. Взгляд застался между дверями и дорогой. И в этот момент за забором

сада что-то мелькнуло. Кепка?.. Мальчишка!

Эмма бросилась по коридору к лестнице. Сбежала вниз, перескакивая через ступени. В гостиной ей что-то сказала горничная, Эмма, не расслышав, непроизвольно обернулась и тут же налетела на столик; тот скрежетнул, а Эмма, даже его не поправив, летела дальше к входной двери.

Снаружи ее ослепил солнечный свет. Щурясь, Эмма увидела, как у ворот миссис Фергюсон приняла что-то из рук мальчишки и повернулась – медленно, будто и не человек вовсе, а деревянный манекен. Эмма сама не в силах была пошевелиться и наблюдала, как директриса к ней приближается. Только когда они поравнялись, Эмма потупила взгляд.

– Будьте любезны сейчас же зайти в мой кабинет, – сказала миссис Фергюсон медленно, чеканя слова. – И приберите волосы. Здесь вам не улица.

– Да, мэм.

Кабинет директрисы располагался на первом этаже коттеджа. Просторный, почти пустой, с опущенными гардинами и стенами, обшитыми темными панелями, он с детства запомнился Эмме холодной строгостью. В центре стоял письменный стол. За ним во всю стену протянулся шкаф с выстроенными по цвету книжными корешками. Напротив висел портрет ее величества королевы, и он был единственным украшением комнаты.

Миссис Фергюсон сидела за столом в кресле. Эмма стояла напротив, разглядывая носки своих туфель. Между шторами

прорезался узкий солнечный луч и падал на ковер.

– Здесь – храм чистоты и благопристойности, – сказала директриса. – Я думала, в вас достаточно здравого смысла, чтобы не допустить подобной вульгарности. Просунул через ворота, как какой-нибудь... прачке! Заберите.

Она положила на стол свернутый в несколько раз листок. Эмма, не поднимая глаз, взяла записку и снова отошла.

– Простите, мэм.

– Слухи расползаются как плесень, мисс Морис. Оглянуться не успеете – и весь дом пропахнет сыростью. Разве я этому вас учила?

– Нет, мэм.

Далее миссис Фергюсон пустилась в наставления, которые Эмма знала и так: моральный облик школы строится на соблюдении правил приличия, поэтому защищать нравственность учениц – ее долг; для девушек должно быть неприемлемо получать записки неизвестно от кого через решетку ворот.

Эмма слушала и сжимала записку в руке. Какое ей дело до учениц? У них уже и так все есть. Покинут школу – деньги позволят им выбрать любую жизнь. Художественные колледжи и прикладное искусство – если пожелают учиться дальше. Путешествия – пожалуйста. Мода, история – все им доступно. Свободного времени – хоть отбавляй. Открыть свой салон – легко! Если же общество их не интересуется, то смогут посвящать дни напролет любимым увлечениям. А Эмма зав-

тра, как и каждый день, снова наденет рабочий фартук только потому, что кому-то даны возможности при рождении, а ей – нет. И если записка может изменить ее будущее, велика ли разница, через ворота она передана или через официальную школьную почту?

Когда же Эмма услышала, что назначается в субботу работать в палатке на рыночной площади, она резко вскинула голову. Это же напротив гостиницы «Белый пони»! А ведь Уоллер остановился там... Она живо представила его лицо, искаженное гримасой, когда он застанет ее за штопкой чужих панталон.

– Но в субботу вы дали мне выходной! – воскликнула она.

– Выйдете замуж и будете отдыхать, сколько вздумается. А пока вы здесь – будьте готовы работать. Да, еще: в чулане на полках опять беспорядок. Сегодня же разберите.

Мгновение Эмма смотрела на директрису, потом холодно произнесла: «Как скажете, мэм», – развернулась и вышла.

Она взбежала по лестнице, заперла дверь своей комнаты. Развернула записку. В ней изящным почерком значилось: «Жду на прежнем месте. Ваш Роберт». От подписи дыхание перехватило: Уоллер впервые подписался только именем.

Эмма достала из комода новую блузку из крепа цвета слоновой кости – мягкого белого с теплым желтым подтоном. Этот оттенок шел к ее коже, в отличие от стерильной белизны школьных рубашек, и даже веснушки, казалось, меньше бросались в глаза. Ткань эту Эмма берегла давно и долго ни-

чего из нее не шила, но после знакомства с Уоллером решила, что «особенный случай» настал. За неделю, сидя ночью при свечах, она выкроила модель с ажурным вырезом горловины и узорами на рукавах, которые расшила стеклярусом в тон и шелковыми нитками. Работа вышла изящной. Эту блузку Эмма сейчас и надела.

В комнате ее стояли два массивных шкафа, забитые старыми книгами, которые были исключены из школьной библиотеки как слишком ветхие или неактуальные. Эмма как-то спросила позволения их перебрать, чтобы освободить место под выкройки и журналы. Но директриса интерес к моде не одобряла. «Какой бы красивой ни выглядела ваза, – ответила она тогда, – внутри нее пустота». И порекомендовала вместо демонстрации собственных форм направить силы на развитие красоты внутренней, а именно скромности и ответственности, готовности помогать, верности принципам и умению управлять своими эмоциями – того, что она повторяла каждый день на уроках. Так и осталась Эмма с одним-единственным комодом, в котором помещалась вся ее жизнь: страницы журналов с моделями платьев, эскизы, узоры для вышивки, а самое дорогое – отрезки тканей и кружев, которые она бережно хранила на будущее.

В бухгалтерской книге Эмма числилась кастеляншей – заведующей бельем и одеждой. Из сорока свободных мест в школе на полном пансионе жили только пятнадцать девочек, но даже при этом некогда было передохнуть. Во время за-

нятий девочки носили форму. Чепчики, платья и фартуки менялись еженедельно, а чулки, отложные воротнички и накрахмаленные манжеты – два раза в неделю. Кровать заправлялась сразу тремя простынями: нижняя плотно прижимала тонкий шерстяной матрас к соломенному, сверху стелилась еще одна, а на третью клали одеяло, и постель полагалось менять раз в неделю. Горничные приходили каждый день, прачки – по понедельникам. Эмма разбирала чужое белье вместе с ними и фиксировала все в книгах учета – то была скучная и кропотливая работа, которую она не любила.

Но более всего Эмма тяготилась штопкой на заказ. Ремонт верхней одежды и ситцевых платьев, подшив юбок или, напротив, отпуск длины для выросшего ребенка, сорочки и, что унизительнее всего, – исподнее. Сельчанки шить не умели, а отремонтировать было дешевле, чем покупать новое. Раньше этой работой занимались белошвейки, которых в Питсмуре было полно, пока действовала угольная шахта. Поселок тогда бурлил жизнью. Но когда шахта обвалилась, а новая открылась в соседнем городе, Ньюкасле, мужчины перебрались на заработки туда. Даже подростков пристраивали там. Лавки, конторы и мастерские – все покинули Питсмур, а вслед за клиентами уехали белошвейки. Тогда миссис Фергюсон ухватилась за дополнительный доход. Она включила в обязанности Эммы на субботних базарах помимо продажи рукоделия учениц еще и чинить одежду. И Эмма подчинилась.

А в это время Уоллер, холеный, сияющий, рассказывал о роскоши городской жизни, о театрах и ресторанах, называл известные всей Англии фамилии, между прочим упоминая, что с тем у него дела, тот ему должен, а этот заискивает, будто он, Уоллер, вхож вообще во все лучшие гостиные. Могла ли Эмма признаться, что штопает чужие панталоны? Что разбирает белье вместе с прачками, что у нее всего три нарядные блузки, а вышивала она их собственными руками? Что пахнет она лавандой не оттого, что любит ароматическое масло, а потому, что такой отдушкой в кладовке пытаются перебить запах старья? Поэтому многое Эмма умалчивала, от вопросов про службу мягко уходила, где-то переводила разговор на своего спутника, где-то загадочно улыбалась, предлагая додумать ответ самому, и при этом крутила ручку зонтика от солнца – шелкового, ажурного, который тоже расшила сама; вещица получилась тонкая и изящная. Разве может ее обладательница выполнять работу низкую, недостойную леди?

В этот раз Уоллер ждал Эмму в тени сосен, и его белоснежный костюм резко выделялся на фоне темно-изумрудных папоротников. Одну руку он держал за спиной, другой опирался на трость.

Жаркое вечернее солнце пробивалось сквозь кроны деревьев и ложилось яркими пятнами на тропинку. Пахло влажной землей, смолой и медом. Чем дальше Эмма и Уоллер уходили в рощу, тем гуще становились запахи леса и тем ка-

мернее звучали голоса птиц и хлопки крыльев.

Уоллер шагал медленно, широко, вынося вперед руку с тростью. Иногда он ловко перехватывал трость посередине, и тогда на ее наконечнике вспыхивала серебряная львиная голова.

Эмма то и дело бросала на спутника взгляды. Новая блузка на ней сидела прекрасно, блестящие мыски ботинок мелькали из-под подола. Эмма игриво крутила зонтик от солнца, держа его раскрытым, несмотря на вечернее время, – он ей казался удачным дополнением к образу.

Почти всю дорогу Уоллер говорил про римские монеты и сейчас, снова перехватив трость посередине, энергично махнул ей в сторону. Серебряная голова льва на ее конце сверкнула.

– Коллекционирование, мисс Морис, – это инвестиции, – сказал он. – Ошибки в оценке могут стоить даже не шиллинги, а сотни гиней. Видел я таких умников! Сперва лезут не в свое дело, надеясь на легкие деньги, а потом жалуются, будто всюду одно надувательство. А между тем, чтобы предсказать рост стоимости, требуется умение мыслить стратегически. Интеллект и расчет крайне важны, крайне! И, конечно же, связи.

– И щедрость, хоть вы это и пытаетесь скрыть, – улыбнулась Эмма, отводя зонтик в сторону. – Те шестьдесят шиллингов, что вы дали сельскому мальчику за монеты, прокормят его семью до весны.

Уоллер посмотрел на Эмму сверху, на мгновение задержал взгляд на ее лице, словно что-то прикидывал.

– Да... обычно платят гораздо меньше. Денарии Марка Аврелия, которые он нашел, не особо ценны. Хотя на аукционе я смогу выручить по пятьдесят шиллингов за каждую.

Эмма мгновенно подсчитала в уме: триста шиллингов. Это больше ее годового жалования!

– Уверена, вы и в карты прекрасно играете, – ответила она. – Мой отец, а он тоже был человеком дела, говорил, что выгода – это следствие отличного понимания ситуации.

Уоллер живо к ней повернулся:

– Ваш отец был коммерсантом? Чем конкретно он занимался?

Эмма опустила глаза. Передвижной ларек с рынка, в котором отец кочевал от деревни к деревне, торгуя бельем и дешевым ситцем, был унижительно жалок. Хотя мама была родом из семьи священника, но она умерла рано, оставив неясные воспоминания и сказки о волшебных камнях и феях, которые рассказывала вечерами у камина.

Эмма посмотрела на рукоятку своего зонтика.

– Отец не посвящал меня. Да и, знаете, – сказала она, – женщине, наверное, не стоит лезть в такие дела. Разве это ее дело – заглядывать через мужское плечо?

Уоллер рассмеялся, сильным, глубоким голосом.

– Вы очаровательны! Но только не вздумайте заявлять об этом в Манчестере – суфражистки объявят вас ведьмой. Од-

нако любой здравомыслящий мужчина с вами согласится.

Эмма заулыбалась. Уже второй раз Уоллер связывает ее и Манчестер так, будто будущее для него очевидно.

– Не все девушки испорчены городом, – ответила она.

От ходьбы ее ноги распухли – новые ботинки больно жали. Под чулками кожа чесалась, тяжелая суконная юбка путалась в ногах. Эмма старалась не подавать виду: шагала легко, словно бы все происходящее доставляло ей только удовольствие. Лишь чуть жмурилась, когда под тонкую подошву попадал камень.

На тропинке показалась глубокая рытвина. Уоллер остановился и галантным жестом пропустил Эмму вперед. Его пальцы невзначай коснулись ее локтя. Движение было мимолетным, но Эмма уловила в нем больше внимания, чем требовала ситуация.

– Между прочим, – сказала она игриво, будто дело касалось шутки, – я сегодня чуть не попалась, когда... брала ваше письмо у садовника. Может, все же будете писать через почту школы? Миссис Фергюсон не станет читать, просто она любит, когда все по правилам.

Уоллер приподнял брови:

– Разве мы делаем что-то дурное? Везде давно отступили от подобных мелочей. Люди выбирают жить и дышать свободно. К тому же вдруг ваша патронесса не станет разбирать почту вечером? Прожду вас зря. Не вижу смысла терять время.

Эмма опустила глаза.

– Вы правы... – Она прикусила губу, раздумывая. – А вы не думали съездить в субботу куда-нибудь? В Ньюкасл, к примеру. Тут снова будет скучная ярмарка. Даже не ярмарка – так, крестьянский рынок прямо на площади. В такую жару ее вовсе следовало бы отменить. Духота, наверное, будет ужасная. В Ньюкасле же – морской воздух и свежесть... Кстати, прямо у пляжа есть очень хороший паб, называется «Северное море». Его держит отец одной нашей ученицы. Говорят, холодные пироги с птицей – восхитительные. И винный погреб хорош.

– Вот и отлично. Едем туда! Заодно покажу вам место старой римской крепости.

Эмма виновато улыбнулась.

– Я очень хотела бы, но не могу. Миссис Фергюсон собирается разобрать бухгалтерские книги... ну и там... прочие документы. Но вам-то нет смысла мучиться здесь.

– Возьмите выходной!

– Простите, но в этот раз я должна быть на работе.

– Дорогая, вам необходимо развлекаться хоть иногда! У вас же здесь совершенно ничего нет! Нельзя лишать себя удовольствий, тем более в выходной. Возможно, директриса ваша не знает законов. Ну хотите... я поговорю с ней?

Эмма резко вскинула голову.

– О нет, не стоит! Не беспокойтесь. Я вам признательна за участие, правда, но... я сама хочу с ней решить... при слу-

чае. Я думаю, она все знает, просто такова внутренняя организация школы – особенности, знаете ли... Но вы обязательно езжайте в Ньюкасл. Не пожалеете.

Уоллер нахмурился, размышляя о чем-то, но быстро оживился.

– Что ж... Жаль, жаль. Кстати, я ее видел сегодня в «Белом пони».

– Миссис Фергюсон? Вы... познакомились с ней?

– Упаси бог! Она приходила к трактирщику. От нее так и разит старым порядком. Но, похоже, она весьма влиятельная дама – к несчастью для вашего Питсмур.

– А он и не мой. Я приехала из Ньюбери, – ответила Эмма и, вспомнив о близком расположении Ирландии, порта и толпах нищих эмигрантов, поспешно добавила: – Но мои родители англичане, разумеется. Только в Ньюбери у меня никого не осталось... Я теперь даже и не знаю, где мое место.

– Что же вас здесь держит? – спросил Уоллер.

Он взглянул на нее в упор, и Эмма едва удержалась, чтобы не отвести глаза.

– Пожалуй, только работа, – ответила Эмма.

Они сделали по роще большой круг: сначала ушли вглубь, а потом спустились к реке и направились вдоль нее обратно к мосту, за которым начинался поселок. Справа потянулся ветхий частокол, ограждающий пастбище. Слева сквозь заросли ивняка сверкала вода, а за ней, на другом берегу, выглядывали старые заброшенные дома из фахверка – темные

брусья, прямые и перекрещенные, с сероватым рыхлым нутром между ними и решетчатыми окнами, из которых некоторые с разбитыми стеклами, а некоторые и вовсе заколочены.

Когда же сосны остались позади, широкий пустырь распахнул вид на мост и за ним главную питсбургскую улицу, ведущую к главной площади. Уоллер остановился у раскидистого куста калины, последнего укрытия, отделяющего их от людей. Разговор оборвался. Эмма, томясь молчанием, покрутила в руках ручку зонтика, вздохнула и закрыла его совсем.

– Ну вот, и солнце почти село, – сказала она.

Прядь волос щекотала щеку, и она коснулась ее пальцами, отодвигая медленно и легко, будто не собиралась убрать по-настоящему, а только показать нежность движения.

Калина была густо увешана красными гроздьями ягод, листья уже подернулись розовым. В другое время Эмма оценила бы их красоту, но сейчас молчание волновало ее. Чтобы заполнить паузу, она потянулась сорвать ветку, но та лишь согнулась. Уоллер покачал головой.

– Дайте я сам, – сказал он мягко, почти с упреком.

Он шагнул к кусту и вновь вскользь задел Эмму, а она подумала: уж слишком медленно, чтобы это было случайно. В зелени мелькнули его бежевые перчатки – тончайшие, лайковые. Замерев, едва дыша, Эмма глядела на них, а внутри все ликовало: Уоллер ухаживает за ней!

Когда же тот сорвал ветку и протянул ее, их пальцы сопри-

коснулись. Все исчезло для Эммы – пустырь, калина, питс-мурские дома за рекой и даже время, к которому ей следовало успеть в пансион. Остались только Уоллер и ветка, которой они оба касались.

Тишина вокруг показалась ей густой, воздух сделался неподвижным. И только мысли метались: как бы голос не дрогнул, когда она скажет «да». И вдруг позади в роще что-то хрустнуло.

Уоллер отдернул руку и обернулся. В сосновой роще, откуда они вышли, в расплывчатой темно-зеленой дымке, показался мужчина. Он шел медленно, сунув руки в карманы, откинув полы твидового пиджака. Жилета на нем не было, под бортами проглядывала одна рубашка, причем без галстука и даже без воротника. Мужчина был молод, выглядел по-сельски неряшливо и вполне мог оказаться приехавшим из города рабочим. Лишь пиджак на нем настораживал – человеку с завода или шахты такой был не по карману; носили их джентльмены на охоте, но у мужчины не имелось при себе ни ружья, ни собаки, и даже штаны на нем были мешковатые, а не охотничьи бриджи. Да и слишком он был смугл для шахтера... и темные волосы растрепаны – такой мог и украсть этот пиджак...

Эмма с волнением глянула на Уоллера, но тот усмехнулся. – Сюда-то чего забрался? – крикнул он фамильярно.

Мужчина в роще в ответ махнул рукой и направился к ним. Эмма успела рассмотреть: квадратные скулы и острый

прямой нос делали его лицо резким, длинная челка падала на глаза, а когда тот обернулся назад, будто кто-то следовал за ним, затылок оказался и вовсе выстрижен нелепо коротко.

Пока человек приближался, взгляд его несколько раз сосредотачивался то на Уоллере, то на Эмме. Но кричать издали он не стал, ответил, только когда подошел совсем близко:

– Да так... осматриваюсь.

Он еще раз глянул на Эмму, но бегло, как если бы вид ее был ему неприятен; поднял руку к голове, будто хотел схватить шляпу, но шляпы не оказалось, и жест вышел неловким.

Эмма посмотрела на Уоллера с удивлением: что могло его, джентльмена, связывать с этим человеком? Тот рассмеялся.

– Это мой друг, я говорил вам, Джон Браун. Многообещающий археолог! Если, конечно, послушается моих советов и пойдет в нужную сторону. Джон – это мисс Морис. Ты вычислил расположение башен?

– Эмм... Не совсем... Но у меня есть некоторые предположения.

– Разметил на карте?

– Кое-что... в чем более-менее уверен.

– Тогда идем, покажешь! – И Уоллер указал тростью в сторону поселка.

Все как по команде двинулись с места. Тропинка через пустырь была слишком узкой, чтобы идти втроем. Браун замешкал, будто не мог определиться, следует ли ему пропустить вперед Эмму вместе с Уоллером или пойти рядом с

ним самому. В итоге ускорил шаг и оказался впереди один. Но Уоллер, заговорщицки понизив голос, сказал Эмме:

– Не возражаете, дорогая, если я решу пару вопросов?

Эмма открыла было рот ответить: «Разумеется», – но он, не дождавшись ее ответа, тут же поспешил к приятелю.

Эмма осталась одна. Она с досадой смотрела на спины идущих впереди мужчин. Браун оказался тем человеком, приезда которого Уоллер так ждал все две недели. Значит ли это, что поездка его теперь движется к завершению? Сколько дней у нее осталось?

До нее долетал разговор про древний римский вал, который пересекал Англию поперек и оканчивался в Ньюкасле фортом. На его месте после ухода римлян возвели нормандский замок, отчего вести раскопки было затруднительно. Однако Уоллера интересовали останки именно римских смотровых башен, так как уже трижды за все свои поиски он обнаруживал древние монеты именно возле таких.

Тем временем дорожка вынырнула на залитую солнцем лужайку. Дохнуло горячим болотным запахом. Здесь тонкая речка делала плавный изгиб, образуя заводь. Берег порос густым ивняком, и, чтобы спуститься к воде, нужно было сойти с тропы и пробраться сквозь лозу. Там, скрытые от глаз, стояли деревянные мостки – любимое место Эммы с тех пор, как она приехала в Питсмур. На берегу росла старая ольха, и под ее низкими ветвями вода казалась темным зеркалом. Кувшинки, стрекозы, сверкающая трава – все выгляде-

ло волшебным. Время останавливалось. И главное – никто ее там не видел, когда она, прибегая ранним утром, снимала ботинки, чулки, подворачивала юбки и, сев на доски, опускала ноги в прохладную воду.

Эмма шла за мужчинами, смотрела под ноги, крутила в руке сложенный зонтик. Неужто они дойдут до моста вот так, как чужие, и просто разойдутся? А вдруг Уоллер теперь каждый вечер будет занят с другом?..

Она снова глянула на заросли ив, на спину Уоллера перед собой, на его трость и русые кудри. И остановилась.

– Пойдите! – воскликнула она, стараясь придать голосу озорную веселость.

Мужчины обернулись. Она же сошла с дорожки, скользнула под ветвями ивняка к реке, выскочила на мостки и прошла по ним. Каблуки ботинок звонко застучали по доскам. Эмма чувствовала, что мужчины спустились к реке следом за ней, но оборачиваться не стала. Мостки выводили ее вперед, в гущу зелени, отраженного неба и сияющих бликов, тонкую, в белой блузке с искрящейся вышивкой из стекла-руса, словно лесную нимфу. Эмма ощущала на себе взгляды мужчин и мечтательно склонила к плечу голову, как если бы восхищение рекой и впрямь поглотило ее внимание. Выждала минуту и только потом обернулась.

– Раньше я думала, – сказала она, – что в этой реке живет Дева Озера, та самая, которая погубила Мерлина. В школе все девочки боялись подходить к воде из-за нее, а я очень

любила кататься на лодке.

Уоллер шагнул на мостки. Под его тяжелым шагом доски закрипели.

– Мерлин – фигура легендарная, но не более чем выдумка, как и эта ваша фея.

– По крайней мере так гласят кельтские мифы, – с улыбкой возразила Эмма.

– В мифах много чего говорится. Еще там боги вепрей приручают.

Эмма пожала плечами.

– А мне кажется романтическим, что Экскалибур Артуру подарила именно Дева Озера. Представьте: туман стелется над водой, и вдруг из глади возникает тонкая и изящная женская рука, дарующая волшебный меч... Ведь это не просто знак судьбы. Дева, сама обладая силой, все же признала Артура выше себя.

Уоллер покачал головой:

– Если представить все всерьез, то картина больше пугает, чем радует, – сказал он и в два размашистых шага вернулся на берег.

На миг Эмма поймала взгляд Брауна, подумала, уж не глупость ли она сказала, и поспешно отвернулась к руслу. Там, впереди, деревья у берегов бросали на воду темные, почти черные отражения, но между ними сияла тонкая ярко-голубая полоса, похожая на небесный ручей. Может, Уоллер просто напускал на себя насмешливую важность при друге, по-

думала Эмма, а может, его сделала невосприимчивым работа в коммерции. И то и другое можно исправить, как говорят пособия для леди из школьной библиотеки миссис Фергюсон.

Они дошли до моста и разошлись. Уоллер с приятелем отправились в сторону площади, Эмма же свернула за дом у реки к старым садам. Там, среди кривых заборов, заросших плющом и ежевикой, скрытая от людских глаз, она огляделась. Затем ослабила шнуровку ботинок и, прихрамывая, побежала в пансион.

Глава 2

Ужин

Близкий отъезд Уоллера встревожил Эмму сильнее, чем она предполагала.

В его рассказах о Манчестере постоянно мелькали актрисы, модистки, салоны известных дам, чьи фамилии Эмма встречала в женских журналах. И все они были чьими-то супругами, все, как и миссис Фергюсон, вытянули счастливый билет, вступив в брак. Эмме казалось, что она тоже может его вытянуть... Иначе к чему тогда Уоллер упоминал всех этих ярких и деятельных женщин? И вдруг – отъезд...

Весь следующий день Эмма выглядела рассеянной. Указаний не слышала, все валялось из ее рук. Миссис Фергю-

сон хмурилась: не заболела ли? Эмма и рада бы заболеть – чтоб Уоллер заволновался, чтоб сидел у изголовья ее кровати и дрожащим голосом просил ее выйти за него... Но то всё мечты: миссис Фергюсон ни за что не позволила бы мужчине подняться на спальный этаж. Да и сам Уоллер вряд ли был склонен к сентиментальности.

– Мисс Морис, – услышала она за спиной девичий голос, когда вновь стояла возле окна и глядела на дорогу за оградой. От неожиданности она вздрогнула, обернулась: перед ней стояла горничная. – Простите, мисс, не хватает салфеток.

– На сколько персон накрываешь?

– На четыре. Миссис Фергюсон просила передать, что ужин сдвинется на половину восьмого и чтобы вы не отлучались из школы.

Эмма нахмурилась, поставила корзину с одеждой в чулан и направилась вниз. Миссис Фергюсон обнаружилась в кухне, где давала указания кухарке.

– Простите, мэм, – сказала Эмма, – но я не могу быть сегодня на ужине. Я... у меня дела.

– Займетесь делами позже.

– Позже не выйдет... Я... я не очень хорошо себя чувствую...

– Прекратите лукавить, мисс Морис. Общество не доставляет вам радости, но школе важны хорошие отношения с городским управлением. И когда мистер Хоппер с супругой

ужинают у нас – а вы знаете, это происходит всего раз в месяц, – я прошу вас присутствовать. В иное время ужинайте в своей комнате сколько пожелаете.

– Да, мэ.м...

Эмма вышла на улицу и дала украдкой садовнику один пенни сверх их прежней договоренности, чтобы он дождался ее, если записку от Уоллера принесут слишком поздно. Сама же она на всякий случай до самого ужина крутилась на улице возле ворот под разными предлогами, но мальчишка не появился. За стол Эмма села напряженная и молчаливая. Обе учительницы отсутствовали, и Эмма гадала, какие предлоги они выдумывали каждый раз, но прямо не спрашивала – дружеских отношений с ними не сложилось; да и вообще весь персонал школы держался с Эммой настороже, поскольку она была единственной служащей, которая жила в коттедже директрисы.

Мистер Хоппер сидел за столом так прямо, как если бы его спина и затылок соединялись доской, отчего подбородок был всегда поднят. Даже поднося ко рту ложку супа, он не утруждался наклонить голову ни на дюйм. Голос его звучал так же свысока, и Эмма старалась не вникать в смысл произносимой им речи, чтобы не раздражаться от поучительной интонации.

– Дорогая миссис Фергюсон, – произнес он, когда речь зашла о состоянии дорог и междугородном сообщении, – поймите же: мое дело – уберечь нас от скверны. Всюду наруша-

ются приличия, а мне бы хотелось не разводить у нас эту грязь. Вот, давеча только, в Ньюкасле женщина вышла на улицу в одних панталонах! А вы говорите – пустить омнибус.

Миссис Фергюсон медленно опустила ложку. Эмма, напротив, – с удивлением подняла от тарелки глаза.

– В мужских уличных панталонах, – мягко уточнила миссис Хоппер. – И все же это выглядело вульгарно. Не все, в конце концов, желают смотреть на... прошу прощения, анатомию!

При слове «мужских» миссис Фергюсон с облегчением прикрыла глаза.

– Вы, наверное, про велосипедисток? – спросила она. – Я видела их. Действительно, несколько вызывающе...

Эмма удивленно глянула на нее:

– Но вы всегда поддерживали женщин в праве быть равными мужчинам.

– И поддерживаю по-прежнему. Велосипед – удобное средство, но раздеваться для этого не обязательно.

Миссис Хоппер активно закивала.

– Распущенность всегда начинается с малого, – авторитетно сказала она. – Вы редко бываете в Ньюкасле, а мы ездим к нашей дорогой Берте каждый месяц. Уверяю вас, одними панталонами дело не обходится. Женщины все больше забывают о своей роли.

– Вы правы, – ответила миссис Фергюсон. – Социальная жизнь должна дополнять мир женщины, когда она уже реа-

лизовалась как супруга и мать, а не заменять его.

Эмма приподняла брови. Как эти слова не вязались с тем, что прошло перед ее глазами! Миссис Фергюсон матерью так и не стала, да и вряд ли ее можно было назвать счастливой супругой. Мистер Фергюсон, земля ему пухом, вообще не отличался добропорядочностью. Он все время пропадал в Ньюкасле, и учителя шептались, что там у него любовница. Он ухлестывал и за учительницами, одну из них миссис Фергюсон даже рассчитала. Но при всем этом она не только не подавала виду обманутой жены, а напротив – держала себя с холодным достоинством. Тем не менее всю свою провальную семейную жизнь она управляла собственной школой! Школой, которую когда-то получила благодаря мистеру Фергюсону, а теперь утверждала, что женщине следует в первую очередь быть супругой и матерью!

– Но как же быть тем, у кого просто нет возможности выйти замуж? – воскликнула с вызовом Эмма. – Вы ведь тоже читали статистику браков: на тысячу женщин в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет приходится только триста замужних, а после процент и вовсе падает до четырех. Как быть остальным? Одиноким женщинам и так приходится сложно: и в финансах зависимы, и повсюду на них смотрят с жалостью, будто на болящих. А вы хотите еще и лишить их возможности найти хоть какое-то собственное место в обществе, которое им по душе!

Миссис Фергюсон невозмутимо приподняла брови.

– А на что, собственно, они должны жить, – спросила она, – пока они ищут это свое место?

– Они могут работать. Сначала как все, по возможности, но со временем открывать собственные магазины, чайные, ателье...

Миссис Хоппер усмехнулась.

– Глупости, дорогая! Да что мы без мужчин можем? Тут заезжал один коммивояжер – так насел с платками и шальями, я взяла себе пять – очнулась, только когда он уехал. Как же вы хотите управлять целой мастерской? Подумайте сами! Вас обдерут ваши же приказчики. Нужен мужчина, который всех будет держать в строгости и порядке.

– Если вы думаете, мисс Морис, – сказала миссис Фергюсон, – что собственным трудом женщина может заработать на магазин, то вы недооцениваете рынок.

– По-вашему выходит, что только через брак и можно устроиться в жизни! – воскликнула в сердцах Эмма.

Все поглядели на нее. Повисло молчание.

– Устроиться! – хмыкнул мистер Хоппер. – Расчетливость, дорогая мисс Морис, – качество, недостойное леди. Долг ваш – думать о воспитании детей, о передаче моральных устоев, и через них – именно через них! – обустроить общество высокой культуры.

– А других желаний у женщины и быть не должно? Эдакая детородящая баба...

– Мисс Морис! – воскликнула миссис Фергюсон.

– Простите. Я себя плохо чувствую. Позвольте выйти на воздух?

– Прошу вас, – ответила миссис Фергюсон.

Эмма встала и в полной тишине, такой, что слышался шорох шагов по коврам, покинула гостиную.

Она пошла прямо к садовнику, но посыльный не приходил. Стоять у ворот было рискованно: на них выходили окна гостиной миссис Фергюсон. И Эмма сама пошла в центр поселка к гостинице.

Тупик, все тупик, твердила она про себя, все обман и лицемерие. Почему миссис Фергюсон не поддержала ее? Разглагольствует о браке, а сама делает все, чтобы оставить в девушках. Хочет привязать к пансиону, чтобы всегда была под рукой? Прозябала в одиночестве, как и она, в роли компаньонки за бесценок... Эдакая собачонка – принесет тапочки, да еще и книжку на ночь прочтет, и за прислугой проследит. А за ужинами с одними будет восхвалять роль женщины в семье, а с другими – утверждать о равенстве мужчин и женщин, в зависимости от того, какую выгоду желает получить.

Эмма слышала, что в Ньюкасле можно легко найти место гувернантки, – но эту работу она считала последней крайностью. Шестнадцать часов ежедневно, без выходных метаться между требовательными родителями и избалованными детьми – играя в нервную игру «понравься всем». И это – за крышу и стол. При этом гувернантки оставались бедны настолько, что не всем хватало жалованья даже подметки у

обуви заменить, не то что откладывать деньги на будущее. Штрафовали за любую ошибку и выгнать могли без рекомендаций. А то еще и слушок пустить – что даже в прислугу потом не возьмут. Недаром гувернантки встречались или чахлые, или озлобленные. Даже фабричные работницы, казалось, лучше устраивались: те хотя бы имели один выходной в неделю. Но это все тоже – страшная нищета, а Эмме нужны были деньги. И денег немало – она хотела выучиться на портниху.

На это Эмма давно откладывала часть жалованья и могла бы прожить без работы полгода. Но модистки Ньюкасла требовали от учениц не только оплату учебы, но и покупку дорогостоящих тканей за свой счет, а также полностью свободное время от иной посторонней работы. А значит, надо было покрывать затраты и на жилье, и на обучение, и на материалы. Где столько денег достать – Эмма не представляла.

Желание шить появилось у нее еще в детстве. С рождения скитаясь от няньки к няньке, пока отец ездил по рынкам с киоском, Эмма носила одежду с чужого плеча, которая всегда была или велика, или коротка, или ветха. Когда ей исполнилось девять лет, отец привез ее в пансион миссис Фергюсон. Директриса приняла девочку без оплаты, на благотворительной основе. Отец исчез сразу; ни писем, ни денег на вещи он не присылал. Эмме выдали школьную форму: строгое платье из серого шерстяного сукна, которое дополняли белые фартуки без оборок, белые чепчики, белые воротнич-

ки – все без единого проблеска цвета. Другие ученицы тем временем на праздники, а многие даже на выходные, разъезжались по домам в экипажах, переодевшись в шуршащие шелковые платья – изумрудные, красные, голубые... Они переливались на свету, сияли золотистыми лентами и кружевами. А Эмма оставалась в сером год за годом, пока не исполнилось ей восемнадцать, но и тогда рабочая форма лишь изменила фасон: белая блузка, все так же неизменно простая, без цвета и кружева, и коричневая суконная юбка.

На уроках по вышивке Эмма была одной из лучших и после продолжила вышивать. Но рукоделие само по себе ей не приносило удовольствия. Просто разглядывать вышитую шелком картину на стене – этого ей было мало. Хотелось практического использования часов труда для чего-то большего. Поэтому Эмма начала вышивать воротнички и манжеты – те съемные части блузок, которые она не имела права носить во время работы, но могла надевать на прогулки или воскресную службу в церковь. Затем она начала экспериментировать с блузками – добавляла рюши, складки, меняла форму рукавов. Тогда и возникло у нее желание выучиться модисткой.

А две недели тому назад, рано утром, Эмма сидела на мостках в заводи, погруженная в мысли о будущем. Когда же наконец взглянула на часы – вскочила: через десять минут ей следовало быть на рабочем месте. Она торопливо натянула чулки, сунула ноги в ботинки и, взволнованная, румяная,

с распущенными волосами, выскочила из-за зарослей ивняка – и буквально налетела на молодого мужчину. Перед ней стоял незнакомец: высокий, красивый, одетый с городским лоском. Он улыбнулся ей добродушной, чуть насмешливой улыбкой, а затем вежливо поклонился, и на том они разошлись. Но на следующее утро, словно по негласному договору, оба снова оказались там, на том же самом месте у ивовых зарослей, смущенные и счастливые от того, что другой тоже здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.